

«Вот и настало! Главное сказано — готовьте табуретки, пора насладиться парочкой! Сегодняшняя пара — хоть и фрагментарна, но сладка до приторности. Слушайте же внимательно!»

Небесный Занавес озарился розовым светом, звучная мелодия сменила торжественный тон повествования, а сама ведущая-фея будто преобразилась — глаза блестели, голос звенел от воодушевления.

«Во-первых, само начало этой судьбы — уже чудо! Как познакомились Мэй Таньхуа и император Шэнцзу? Всё дело в том, что она переделалась мужчиной. А почему переделалась? Потому что сам Гаоцзу, по странной случайности, ещё в младенчестве благословил её, приняв за мальчика!»

Разве это не значит, что красную нить судьбы завязал собственноручно Гаоцзу? Да ещё и до рождения — настоящая свадьба по договорённости родителей!»

Ли Чжао мысленно закатил глаза:

«Договорённость родителей? Да спросите у самого Гаоцзу, согласится ли он! А насчёт „свадьбы с колыбели“ — да вы шутите? Когда родилась Мэй Фэннянь, меня и в помине не было! Как можно такое приплести?!»

Сам Гаоцзу побледнел:

«Как это вдруг стало моей виной? Мэй Цзюйцзюй, скажи сам — разве я виноват?»

Мэй Цзюйцзюй (глава Государственной академии) и его давний приятель, с которым они когда-то поспорили, бросились на колени:

«Просим Ваше Величество не гневаться! Мы в ужасе! Всё это — наша вина: опьянев от вина, мы возомнили себя выше положенного и тем самым запятнали доброе имя Ваше! Мы достойны смерти!»

«Во-вторых, кто разглядел истинный талант Мэй Таньхуа в её самые тёмные времена? Конечно же, наш Шэнцзу! Когда все считали её чудачкой, только он ценил её изумительные картины, восхищался её гением, не принятым миром, и был рядом в самые мрачные дни.

Вот почему историки писали: „В юности Шэнцзу часто веселился в обществе Мэй Лана“. За этими скупыми строками — целая безмолвная поэма о дружбе, понимании и преданности двух юных душ!»

Ли Чжао закрыл лицо ладонью, внутри бушевал внутренний монолог:

«Благодарю за комплимент, но эту „ответственность“ я не приму. Тёмные времена? Да она просто получала удовольствие, издеваясь над другими! Её бесконечные идеи, от которых

хочется провалиться сквозь землю, — лучшее доказательство, как она „боролась с депрессией“!»

«В-третьих, после восшествия Шэнцзу на трон Мэй Таньхуа сама призналась в обмане — а ведь это прямое преступление против императора! Не будь она абсолютно уверена в его характере и доброжелательности, разве стала бы рисковать?»

А Шэнцзу оправдал её доверие: несмотря на отсутствие прецедентов, он лично открыл для неё двери в систему государственных экзаменов. Разве это не высшая форма взаимного доверия и стремления друг к другу?

Более того — именно благодаря Мэй Таньхуа Шэнцзу увидел, что женщины ничуть не уступают мужчинам в уме и решимости, и потому постепенно открыл доступ женщинам к экзаменам и службе!»

Ли Чжао мысленно зарычал:

«Не было этого! Я ничего подобного не делал! Не надо приписывать мне романтику! Я просто ценил таланты — и точка. А насчёт допуска женщин... спасибо, это базовая норма для человека из будущего! У меня нет предрассудков по половому признаку — ведь отказываться от половины трудовых ресурсов и творческого потенциала общества — просто глупость!»

«И наконец, ещё до рождения Мэй Таньхуа один старый монах предсказал: „Она унаследует пост главы Государственной академии — продолжит дело своего отца, Мэй да-жэнь!“

Государственная академия — святыня воспитания талантов, а её глава — ректор. А Академия Каймин — тоже святыня просвещения. Мэй Таньхуа помогла Шэнцзу преодолеть тысячи трудностей и построить её, а затем была лично назначена им первым ректором.

Разве это не наследование дела отца? И даже не просто наследование — она превзошла его! Что это означает? Что их связь predetermined Небесами — истинная судьба! Это классический пример „друзья становятся возлюбленными“ с эффектным раскрытием личности!»

Хрусть!

В доме Минь Чжэня стоявший рядом Фэн Юань мгновенно насторожился:

— Что это за звук?

— Ничего, — невозмутимо ответил Минь Чжэнь, раскрыв ладонь и вытирая её платком. — Принеси другую кисть. Эта сломалась.

Ли Чжао уже онемел от отчаяния. Внутри у него была лишь пустота:

«...Ладно, наслаждайся. Мне даже спорить лень с этой вашей „судьбой“, „наследованием дела“ и „романтикой друзей“. И со взглядами министров, которые смотрят на меня, как на цирковую обезьяну».

Император поглаживал нефритовый перстень и, будто невзначай, бросил взгляд на Мэй Цзюйцзюя:

— Скажи, Мэй Цзюйцзюй, сколько лет твоей младшей дочери?

На беломраморной площади внезапный вопрос повис в воздухе, создав напряжённую паузу.

Мэй Цзюйцзюй вздрогнул и поспешно поклонился:

— Отвечаю Вашему Величеству: моей дочери двадцать три года. — В голосе слышалась тревога.

— Двадцать три... — задумчиво повторил император. — Немало. Есть ли жених?

Придворные мгновенно насторожились. Старые министры переглянулись, некоторые одобрительно кивнули. Все подумали одно: неужели Его Величество собирается лично заняться сватовством за дочь Мэй? Если бы её скорее выдали замуж, пусть занимается домом и детьми — тогда и странные идеи исчезнут.

Голос Мэй Цзюйцзюя стал чуть громче:

— Отвечаю Вашему Величеству: дочь ещё не обручена. — В интонации прозвучала едва уловимая надежда.

Ли Чжао очнулся и, заметив многозначительные взгляды чиновников, мгновенно заволновался.

«Что задумал отец? Неужели поверил в эту чушь про „небесную пару“ и сейчас начнёт сватать?» Он с ужасом смотрел на императора, готовый в любой момент выступить с протестом против брака по приказу.

Честное слово — хоть в прошлой, хоть в этой жизни он был одиноким волком, но мечтал найти любимого человека и прожить с ним всю жизнь!

Он уже почти собрался выйти вперёд, но вдруг услышал, как отец лишь равнодушно «мм» произнёс — и больше ни слова.

Сердце Ли Чжао немного успокоилось. Хорошо, что не объявил о помолвке на месте — иначе пришлось бы бунтовать против указа.

Но тут же в голове мелькнула новая тревога:

«Если отец так явно колебался... что он задумал?»

На троне император опустил веки, скрывая блеск в глазах. Он, конечно, не верил в болтовню Небесного Занавеса, но дочь Мэй... действительно заслуживала особого внимания.

«Хорошо, насладились — теперь вернёмся к делу. Последний и самый важный элемент „литературного золотого века“ Шэнцзу — он дал знания народу.

После того как конфуцианство стало единственной официальной доктриной, оно действительно, благодаря идеям „обучать всех без различий“ и системе экзаменов, в теории открыло путь для простолюдинов: „Утром — крестьянин, вечером — советник императора“[1].

Однако, тесно сросшись с властью, конфуцианство отошло от изначального замысла Конфуция и превратилось в инструмент управления. Особенно показательна интерпретация фразы: „Народу можно позволить следовать путём, но нельзя позволить ему знать, почему он этим путём идёт“[2].

Одни толкуют это так: „Пусть народ следует указаниям, не нужно объяснять причины“.

Другие — иначе: „Если народ принимает путь — пусть идёт; если нет — научи его, чтобы он понял“.

Ясно видно: первое — политика обмана и невежества, второе — подлинное просвещение, соответствующее духу Конфуция.

Какой вариант удобнее правителю? Ответ очевиден. Поэтому первая трактовка стала доминирующей — так родилась политика „одержания народа в неведении“.

Превратим это в цифру, от которой кровь стынет в жилах: до реформ Шэнцзу уровень неграмотности в империи Шэн — доля людей, совершенно не умеющих ни читать, ни писать — стабильно превышал 90%!»

Чиновники переглянулись. Многие конфуцианские учёные опустили глаза от стыда.

Академик Ханьлинь пробормотал:

— Девяносто процентов... Неужели так много?

Министр финансов был потрясён:

— Значит, указы и налоговые распоряжения передавались через устные объяснения чиновников-посредников... Неудивительно, что власть не доходит до народа!

Один чиновник хлопнул себя по бедру:

— Вот оно что! Теперь понятно, почему в устах некоторых „любовь к народу“ из святых текстов превращается в „технику выпаса стада“!

Молодой чиновник из бедной семьи с красными глазами прошептал:

— Если бы отец не продал последнюю корову, чтобы обучить меня грамоте, я до сих пор был бы в этих девяноста процентах...

Студенты чувствовали растерянность:

— Нас учили, что народ нужно направлять, но никогда не говорили о второй трактовке — „научить, чтобы понял“. Чьи слова мы изучаем — святого мудреца или отфильтрованный инструмент власти?

Но нашлись и защитники старого порядка:

— Это ересь! Такие речи подрывают основы государства! Учение святых глубоко и тонко — как смеют простолюдины толковать его по-своему? Невежды нуждаются в руководстве благородных — где тут ошибка?

«Что это значит? Десять человек из десяти не могут прочесть указ! Священные тексты циркулируют лишь в узком кругу! Даже лучшие законы не достигают сердец народа! Такова тысячелетняя ловушка — знание в руках немногих. А Шэнцзу разорвал этот железный занавес.

Когда сельское хозяйство процветало, экономика достигла беспрецедентного уровня, и накопились ресурсы, Шэнцзу начал самую фундаментальную и амбициозную часть своих реформ — повсеместное образование. Во всех уездах и деревнях постепенно создавались школы народного просвещения — „Пусяо“».

На Небесном Занавесе возник чёткий план: в деревнях рядом с храмами земли появлялись скромные здания с табличками «Пусяо такой-то волости»; в уездных городах — более стройные здания «Пусяо такого-то уезда», иногда заменяя собой старые постройки.

«Главная цель этих школ — обязательное обучение грамоте. Каждый ребёнок, независимо от происхождения, должен уметь читать и писать, чтобы понимать указы. Шэнцзу ввёл обязательное школьное обучение для всех детей подходящего возраста».

— Обязательное образование? Принудительное посещение?

— Откуда деньги? Где взять столько учителей?

«Откуда взять педагогов для такой гигантской системы? Шэнцзу решил: учителя волостных Пусяо — суйцай (суйцай), сдавшие начальный экзамен; учителя уездных Пусяо — цзюйжэнь (цзюйжэнь), сдавшие провинциальный экзамен. Их жалование выплачивается из казны.»

Это решило самую острую проблему — нехватку учителей, превратив огромный резерв образованных людей в педагогический корпус.

Одновременно это дало бедным студентам стабильную должность, где они могли продолжать учиться, не опасаясь за пропитание. Выгодно всем!»

«Результат был ошеломляющим. За одно правление Шэнцзу уровень неграмотности в империи Шэн снизился с 90% до 70% — на целых двадцать процентов! Для всей цивилизации это — переворот неопишуемого масштаба».

— Семьдесят процентов!

— За несколько десятилетий — на двадцать процентов?!

Зал взорвался возгласами и восклицаниями. Даже те, кто предполагал успех, были потрясены конкретной цифрой.

Они понимали: политика гениальна — использует существующую систему экзаменов, решает практические проблемы, завоёвывает сердца бедных студентов. Почти безупречна.

Но такие расходы... Неужели в будущем казна станет настолько богатой? Как это возможно?

Вопросы и жажда знаний бурлили в сердцах чиновников. Они осознали: „литературный золотой век“ держится не на указах, а на куда более грандиозной истории экономических и технологических перемен.

А в народе реакция была ещё живее.

В поле маленький мальчик смотрел на Небесный Занавес, где мелькал скромный, но светлый школьный дворик. В его глазах впервые вспыхнула надежда.

— Ма, — робко потянул он мать за рукав, — я... я тоже смогу туда пойти?

Женщина, лицо которой иссекли морщины, посмотрела на Занавес, потом на чистые глаза сына — и слёзы навернулись на глаза.

— Да, сынок! Спасибо Шэнцзу! Теперь ты сможешь учиться бесплатно! Не будешь, как мы с отцом, „слепыми“ на всю жизнь!

— Спасибо Шэнцзу! — повторил мальчик, и в его голосе зазвенела вера в будущее.

Он отпустил рукав матери, поднял палочку и, прямо на земле, стал неуклюже рисовать: квадратики — это школа, фигурка с большими глазами — это он сам. Солнце осветило этот детский рисунок, будто открывая дверь в новую эпоху.

В других уголках страны звучали похожие разговоры.

— Ребёнок сможет грамоте научиться? — сначала радость, потом тревога. — Но кто корову пасти будет? Кто траву для свиней нарежет? Ведь рабочая сила уйдёт!

— Грамота — величайшее благо! Это предки заслужили! Когда школа откроется — мы пояса затянем потуже! Я буду больше ткать, ты в свободное время подработаешь в городе! У нас будет ещё дети — может, кто-то и станет учёным!

«На этом наш выпуск „Истории с приправой“ — „Литературный золотой век Шэнцзу“ — завершён! Скоро праздник — заранее желаем всем счастливого праздника! Увидимся после каникул!

Анонс следующего выпуска: „Основание империи сельскохозяйственного Ктулху!“ На сцену выйдет пара, которую ведущая лично считает самой перспективной и обожаемой. Говорят, в итоге он был похоронен в одной гробнице с Шэнцзу! Следите за эфиром!»

Слова стихли. Свет Небесного Занавеса медленно угас, растворившись в небе.

Он оставил после себя империю Шэн, где трепетали сердца двора и волновался народ, полный надежд, вопросов и предвкушения чуда.

Ли Чжао смотрел в ту сторону, где исчез Занавес, и тихо пробормотал:

— Сельскохозяйственный Ктулху? Одна гробница?

Он чувствовал: следующая история превзойдёт всё, что он мог себе представить.

Автор говорит:

[1] Из стихотворения «Четыре радости» Сюньчжэна (Северная Сун): «Утром — крестьянин, вечером — советник императора. Полководцы и канцлеры не рождаются таковыми — мужчина должен полагаться на себя».

[2] Из «Лунь Юй», глава «Тайбо».

Посмотрите также на другие проекты автора в ожидании:

«В рай вместе с заклятым врагом»: могут ли злодеи попасть в рай?

«Крылья, как облака у небесного края»: жизнь в Управлении по аномальным явлениям — дни, когда я дрессировал собак.

<http://bllate.org/book/17167/1607055>